

А.Г.Некита

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ СТАТУС «ЧУДЕСНЫХ ВИДЕНИЙ» В УНИКАЛЬНОЙ ВИЗИОНЕРСКОЙ ТРАДИЦИИ НОВГОРОДСКОГО ИНОЧЕСТВА

Рассматривается феномен «чудесных видений» как неотъемлемый элемент культурной традиции монастырей Новгородской земли. Психический опыт сновидений интерпретируется как нуминозная основа становления личности монаха, формирования религиозных ритуалов и православной доктрины в целом. Обилие бессознательных символов в чудесных видениях иноков Новгородской земли свидетельствует о высокой степени их чувствительности к общему состоянию общества и уровню личной сопричастности к родному социокультурному контексту. Созданная монахами визионерская практика впервые устанавливает архетипическую меру индивидуального и коллективного как соборного ядра древнерусской ментальности.

Ключевые слова: монастырь, сновидение, ментальность, визионерство, нуминозность, мифология, архетип, символ, Самость

Несомненно, культура любого региона или любой эпохи является отражением особенностей внутренней жизни сознания, а ее специфические исторические особенности позволяют определить качественные трансформации, которые происходят в мировоззрении и ментальности в целом. К таким наиболее актуальным сторонам проявления человеческой природы следует отнести и сновидения, позволяющие определить общезначимые коллективные смыслы, доминирующие (хотя и не обязательно в явной форме) в конкретную эпоху в том или ином культурном пространстве.

Надо отметить, что человек всегда уделял пристальное внимание содержаниям своих сновидений, которые неизменно представлялись ему таинственными и загадочными. В отличие от современной рационализированной культуры, которая считает сновидения вторичными и несущественными продуктами психической деятельности индивида, архаические, древние и средневековые сообщества усматривали в сновидениях указания скорее на метафизическую, а не на антропологическую реальность. Поэтому «различные события, представленные в сновидениях, считались реальными...» [1, с. 12] и требовали особого отношения окружающих как к личности сновидца, так и к политико-религиозному, а также социокультурному контексту возникновения самих сновидений.

Именно так сновидения из индивидуального психического «продукта», являющегося, по мнению М.Фуко, подлинным пространством свободы, которая направлена на выражение самых таинственных сторон человеческой природы [2], рано или поздно превращаются в коллективные и общекультурные символы, выражающие предупреждения, наставления, предвидения, откровения и т.д. В этом смысле, сновидения всегда выступают формой иерофании как проявления священного в рамках индивидуального сознания и культуры. Как раз по этой причине сновидения в духовно-религиозной и цивилизационно-культурной истории человечества всегда приобретали сакральный, мифологизированный характер. А личности сновидцев получали особый социальный статус и как следствие вызывали к себе пристальное внимание окружающих людей и социальных институтов, высказывавших, в зависимости от политической или религиозной конъюнктуры, их осуждение или одобрение.

При этом, уже цитируемые нами ранее исследователи Н.Калина и И.Тимошук закономерно полагают, что «в снах можно усмотреть параллели к различным сказочным и мифологическим сюжетам, причем, сам сновидец этих сказок или мифов не знает» [1, с. 69]. Выдающийся специалист по исследованию древнейших мифологических и религиозных систем М.Элиаде также недвусмысленно утверждает, что «в мире сновидений мы снова и снова находим символы, образы, фигуры и события, которые относятся к мифологии» [3, с. 14]. Таким образом, сновидения напрямую выводят человека в пространство архаичных представлений и религиозного опыта. Именно он, по убеждению М.Элиаде, является «ощущением существования в его целостности, которое открывает человеку его собственную форму бытия в мире» [3, с. 17].

В этом контексте древнерусская и средневековая культура не является исключением. Она продолжает развиваться в общечеловеческом, мифологическом русле, объясняя сущность природы, культуры и Бога, и вслед за ними утверждая дуальность действительного и вымышленного, сознательного и бессознательного, полюстороннего и потустороннего миров, как органически взаимосвязанных, а зачастую и дополняющих друг друга реальностей. При этом не следует забывать, что восприятие сновидений в русской культуре всегда напрямую было связано с религиозным контекстом, которой, собственно, и формировался в сложном переплетении и взаимовлиянии языческих и православных представлений, которые конвертировали «бессознательно-коллективную языческую мифологию в “персонализированную” и личную, и коллективную ответственность людей перед Богом, Церковью и Властью» [4, с. 95]. Эта особенность ярко отразилась в формировании православных культов святых иноков, чья деятельность на протяжении многих веков была примером «подвижнического служения людям и Богу» [5, с. 104] и оказывала заметное влияние на формирование культурного и социально-политического профиля, как новгородской земли, так и всей нашей страны в целом.

Авторский психоанализ житийной литературы и других религиозных источников позволяет констатировать, что сновидения в контексте православной догматики рассматриваются исключительно как архетипические, доносящие до сновидцев предвечные истины и священные смыслы. «Архетипический сон способен до такой степени заморозить человека, что тот выказывает склонность рассматривать его в качестве озарения, предупреждения или сверхъестественной помощи. <...> И хотя многие страшатся отдаться нуминозным переживаниям своих снов и видений, это выдает существование священного трепета перед нуминозным» [1, с. 91].

Приобретая такой характер, иноческие сновидения рассматриваются как богоданные знаки, указывающие на актуальные в данных социокультурных условиях практические действия, необходимость которых уже давно назрела. В религиозной литературе эти психические состояния называются по-разному: либо «тонкий» или глубокий сон, «видение» и «сонное видение», «привидение», «чудесное видение», «привидение сонное», некое «самозабвение» и т.д. Обильная синонимия в отношении этого феномена также указывает на особый символический, языковой и социокультурный статус подобных сновидений. Примечательно, что повсеместные пересказы об таких чудесных видениях связываются с обязательными практическими шагами по реализации наставлений, содержащихся в сновидениях.

Как здесь не вспомнить знаменитый фольклорный рефрен из русских сказок и былин, однозначно утверждающий, что «утро вечера мудренее». Это пожелание является правилом для человека, который не только стремится поступать в соответствии с укоренной в культуре традицией, но и жить в согласии с личным опытом самопознания. Несмотря на то, что эта рекомендация имеет светский характер, уходящий корнями глубоко в языческое прошлое, православие активно пользуется этими установками и превращает их в аргументы, всякий раз подтверждающие истинность религиозной догматики.

Следует отметить, что в отечественной традиции с точки зрения психоанализа, и особенно его юнгианской ветви, «чудесные видения» до сих пор никто не рассматривал. Поэтому, наработанная нами в этом контексте методология, может позволить, впервые приоткрыть новые грани в изучении древнерусской, и в частности, новгородской иноческой ментальности. Юнгианцы исходят из тезиса, что сон выражает недостающее и чрезвычайно важное для индивида, либо того или иного коллектива знание о закономерностях и перспективах его внутреннего развития. Более того, подобное знание проявляется в той форме и объеме, в котором оно максимально востребовано для решения насущных внутренних потребностей сознания.

Перенося такую методологическую установку на православный новгородский контекст, можно определить присутствие и актуальность в этом культурном пространстве общезначимой архетипической стратегии развития сознания индивида. То есть, сам факт, что сновидения неизменно становились предметом устных пересказов, литературных обработок и даже переносились на страницы житийной литературы, говорит о том, что господствующая культурная и социальная традиция Новгородской вечевой республики достаточно демократично и терпимо относилась как к самому факту сновидений, так и к их носителям. В противном случае, любая другая культура, обладающая гораздо большим потенциалом вытеснения, в той или другой форме непременно организовала бы либо репрессивное замалчивание подобных фактов, либо их осмеяние и осуждение, а носителей или распространителей ждали бы суровые наказания: от остракизма до публичных казней.

В определенном смысле статус «чудесных видений» являлся историческим показателем меры свободы и культурной самостоятельности древнерусского и средневекового общества. Сама форма социально-политической жизни Великого Новгорода, безусловно, предполагала значительное внимание со стороны общества к результатам индивидуационных достижений его граждан, а опыт иноческого самопознания в рамках многочисленных монастырей и приходов, составлял значительную часть уникальных смыслов древнерусской ментальности. В подтверждение этого мы располагаем обильным материалом, отражающим трансформацию индивидуальных сновиденческих переживаний в общезначимые религиозные события, и даже в общегосударственные культурные феномены.

Анализируя содержание сновидений новгородских иноков, можно построить первичную типологию, позволяющую оценить и систематизировать ментальный опыт древнего новгородца. По мнению авторов, целесообразно выделять несколько групп наиболее актуальных сновиденческих сюжетов в житийной литературе Новгорода и Новгородской земли. Во-первых, это сновидения, повествующие о значимых личных событиях в жизни инока или святого. Именно они выступали весомым показателем его индивидуационного роста и постепенно превращались из пространства индивидуальных смыслов в коллективные и общекультурные установки сакрального характера. Так, практически все основатели крупнейших монастырских поселений имели перед началом их строительства тот или иной визионерский опыт. Именно в «чудесных видениях» будущие святые иноки видели места закладки обителей, в которых они будут служить, а также конкретные детали обустройства монастырских поселений. Так кардинально изменили свою жизнь под влиянием пророческих сновидений Александр Ошевенский и Кирилл Белозерский, Зосима и Герман Соловецкие, Ефрем Перекомский и Нил Столобенский, Иософ Волоцкий и Иродион Илозерский, Мартирий Великолукский и Диадор Юрьегорский, а также другие иноки и святые Новгородской земли.

Так во многих подобных жизнеописаниях присутствует упоминание о прижизненных пророчествах во сне, о грядущей смерти и необходимых при этом действиях. Такое пророчество получил, например, Александр Свирский, которому Богоматерь во сне пообещала присмотреть после его кончины за обителью. Другим не

менее показательным примером может служить чудесное видение перед кончиной новгородского епископа середины XII века Нифонта Печерского. Он накануне, а также непосредственно во сне молился Пресвятой Богородице, чтобы она сподобила его увидеть Феодосия, основателя Киево-Печерского монастыря. Во сне он попадает на богослужение, в котором и принимает участие сам Феодосий. Нифонт, «испросив» у него благословение, узнает о том, что Феодосий с братией отныне будут неразлучны с Нифонтом. Чудесное видение оказалось пророческим, поскольку вскорости Нифонт умирает.

Таких случаев в многовековой истории новгородского православия достаточно много, что говорит о необычайной распространенности темы преемственности иноческого служения в древнерусской и новгородской ментальности. К этим двум сновиденческим сюжетам тематически примыкают и предзнаменования чудесного рождения. Следует хотя бы вспомнить историю появления на свет уже упоминавшегося нами Александра Ошевенского, матери которого Фотинии в сонном видении светлая женщина в багряных одеждах сообщила о предстоящем рождении обетованного младенца.

Вторая, не менее значимая группа сновидений касается психических содержаний иноческого сознания, выводящих их на широкое пространство социокультурной практики. Речь идет об индивидуальных презентациях исторического опыта, представленного в бессознательных интуициях иноков новгородских земель. Существует огромное количество пересказов в летописной и житийной литературе, в которых присутствуют указания на настоящие или будущие социально-политические трансформации. Так общеизвестным является чудесное видение безымянной слепой инокини из Воскресенского монастыря накануне осады Москвы крымским ханом Мехмедом I Гиреем в 1521 г. Центральным событием этого видения был намечавшийся исход всех святых из Москвы, а также объединенные усилия Варлаама Хутынского и преподобного Сергия, предотвративших это трагическое событие. Именно чудесное видение, в котором святые не покинули столицу, в конце концов, и стало тем духовным и молитвенным щитом, спасшим Москву от нашествия и разорения.

В этом контексте не менее показателен знаменитый рассказ воина-дозорника Пелгуя, нареченного в Святом Крещении Филиппом о своем необыкновенном видении перед битвой Александра Невского 15 июля 1242 г. В видении ему предстали образы святых мучеников князей Бориса и Глеба, вознамерившихся помочь Александру как своему сроднику, в борьбе со шведскими завоевателями. Чудесное видение однозначно демонстрировало сновидцу и всему православному народу, что Бог на их стороне, а значит и победа русского воинства неминуема. Можно еще вспоминать историю, описанную в повести «О белом клобуке», содержащей пересказ чудесного видения патриарха Филофея о даровании клобука новгородскому владыке Василию в 1339 г. По мнению апостолов Петра и Павла, предавших Филофею клобук, который и являлся символом преемственности православных традиций, непосредственно перешедших затем на Русь от Царьграда. Таким образом, на этом примере мы можем наблюдать необычайное повышения статуса и роли чудесного видения, которое можно считать визионерским утверждением не только русской веры, но и государственности как таковой.

Следующая группа «сонных видений» непосредственно касается того, как подобные психические состояния иноков приобретают уже не столько духовно-нравственное, сколько политическое звучание и рассматриваются как значимый аргумент при формировании политических стратегий. Необычная популярность на Руси образа Варлаама Хутынского даже нашла свое отражение в сновидениях государей, о чем сообщается так: «и нередко являлся он в сонных видениях нашим Державным как ревностный заступник Церкви» [6, т. 1, с. 188]. Особое уважение преподобный имел у великого князя московского Василия Ивановича. В 1517 году, как повествует Житие митрополита Макария Московского, у великого князя было откровение, в котором Варлаам просил о защите новгородских монастырей. После этого события «великий князь стал питать к угоднику Божию, преподобному Варлааму, особенную любовь и усердие и сохранил это чувство к нему до конца жизни, призывая его на помощь себе в случае болезни и во время брани с врагами отечества» [6, т. 2, с. 843].

Известная всему миру житийная история Анны Новгородской, матери новгородского князя Владимира и жены Ярослава Мудрого, рассказывает о том, как ее образ и после смерти выполнял объединяющую политическую функцию. Так известно, что память святой Анны была установлена 4 октября «новгородским архиепископом Евфимием в 1439 г. во исполнение воли Божией, возвещенной ему в видении» [6, т. 1, с. 64]. Не оспаривается историками и благостное отношение Иоанна Грозного к Нилу Сорскому, после посещения скита, которого царь в «1569 г., хотел поставить в нем каменную церковь, но преподобный Нил, явившись к нему в «сонном видении», запретил это делать, поэтому долгое время скит оставался полностью деревянным» [6, т. 1, с. 188].

Подобное внимание государства к новгородскому иноческому подвижничеству, безусловно, свидетельствовало о признании значимости того особого типа управления, сложившегося благодаря Великому Новгороду на огромных пространствах Руси. Кстати говоря, освоение этой большой и незаселенной территории вообще было бы немислимым без деятельного участия святых новгородских подвижников — основателей многочисленных монастырей как форпостов Веры, культуры и цивилизации. Показательно, что и в этом случае, мы непосредственно сталкиваемся с ведущей ролью иноческого подвижничества Новгородской земли. Однако индивидуальная миссия новгородского иночества отнюдь не сводилась только лишь к собственному духовному преображению, но предполагала также и деятельное преобразование пространства своего духовного

подвига, выражавшиеся в основании и последующем развитии обителей в самых разнообразных, в том числе в крайне суровых и труднодоступных местах.

Потому-то в истории православной церкви столь широко распространены свидетельства о чудесных видениях, предшествовавших духовному и физическому освоению ранее незаселенных земель с очень суровой природой. Архетипические сюжеты этих мифов практически идентичны. Иноку является Господь, Богородица, апостолы, или наиболее почитаемые святые с просьбой отправиться в путь, к новым землям, для осуществления своей подвижнической миссии. Так было во многих случаях: с Александром Ошевенским, основавшим в середине XV века одноименный монастырь в Каргапольском районе, близ Архангельска; с Кириллом Белозерским, основателем Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодской области в 1397 г.; с монахами Зосимой и Германом, основавшими в землях Новгородской республики в 1436 г. Соловецкий монастырь; Ефремом Перекомским, создавшим в XV веке Перекомский монастырь под Новгородом в устье реки Веронды; Иосифом Волоцким, прославившимся созданием в 1479 г. Иосифо-Волоцкого монастыря в двадцати километрах от Волокلامска на месте слияния рек Сестры и Струги; Мартирием Великолукским, заложившим Свято-Троицкий, Зеленецкий монастырь в 1564 г. и многими другими подвижниками.

Показательно, что непосредственно свою мистическую функцию иноческое сновидение начинает выполнять в особом роде видений, которые условно можно назвать пророческими имажинативными предзнаменованиями разного рода катастроф и катаклизмов. В «тонких» снах многие иноки смогли увидеть признаки нарастающих социальных противоречий, которые визуализировали в достаточно экстравагантной форме. Действительно, необычные знаки и символы, которые видели в своих снах новгородские монахи, безусловно, указывали на апокалипсический социальный контекст, связанный с роковым отступлением земного мира от предначертанного свыше божественного плана. Пугающий свет, радуга, пожар и пламя, огненные лучи, молнии и волны, медные столбы от земли до неба, крючья, пустыни, трагическое и пугающее разрушение привычных контуров природного и социального бытия, связанное с утратой чувства освоенности пространства и т.д. — вот далеко не полный перечень визуальных знаков-предвестников кризисных, либо катастрофических явлений в культуре и социуме.

Безусловным венцом иноческого визионерства является образ, столь ярко зафиксированный на иконе «Видение пономаря Тарасия» из Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря первой половины XVI века, которая представляет собой попытку наиболее целостного предвидения социального будущего, ожидающего Господина Великий Новгород. Впрочем, исключительная «соборная» сюжетика этого выдающегося иконописного произведения (первого в истории древнерусского искусства, на котором изображен целый город!) требует отдельного психоаналитического исследования. Несомненно, лишь одно — обилие подобных бессознательных маркеров в чудесных видениях иноков Новгородской земли свидетельствует о высокой степени их чувствительности к общему состоянию культуры. К необыкновенному, присущему лишь им одним уровню личной сопричастности к родному социокультурному контексту, отраженному в эпичной архетипической драме коллективного бессознательного, разворачивающейся на Северо-западе Руси на протяжении нескольких веков. В определенном смысле можно утверждать, что именно этого рода сновидения, вызванные «ожиданием или наступлением общественной беды, призывающая общество к покаянию и очищению» [7, с. 125], наилучшим образом указывают на однозначно визионерский характер психического опыта сформированного многовековыми традициями новгородского иночества.

Таким образом, даже беглый архетипический анализ, возникшей и трепетно взлелеянной в традициях Новгородской земли, уникальной визионерской практики иночества, наполненной «исключительно “чуждыми” и “новыми”, “невероятными” и “недомыслимыми”, “неслыханными” и “невиданными”, “странными” и “неисповедимыми” вещами» [8, с. 151], позволяет выявить наиболее эффективные имажинативные механизмы освоения коллективного бессознательного, хотя такую цель древнерусская культура, безусловно, перед собой не ставила. В то же время, актуальность практик визионерских архетипических сновидений указывает на необычайно высокий и до конца еще не изученный духовный потенциал новгородского иночества как истинного исторического создателя и хранителя Русской идеи, основанной на предвечной гармонии Земного и Небесного, индивидуального и коллективного, сознательного и бессознательного.

1. Калина Н.Ф., Тимошук И.Г. Основы юнгианского анализа сновидений. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. С. 12.
2. Dream and Existence. Michel Foucault and Ludwig Binswanger / Ed. by K.Hoeller. New Jersey: Humanities Press, 1993. 107 p.
3. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / Пер. с англ. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1996. С. 14.
4. Маленко С.А. От культа предков к культу мощей: ментальная драматургия иноческой Самости // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 7(90). С. 95-98.
5. Некита А.Г. Политико-идеологические сублимации Самости в православном культе святых мощей // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 7(90). С. 100-104.
6. Святые Новгородской Земли, или история Святой Северной Руси в ликах X—XVIII века в 2 т. / Ред. В.Н.Несмеянова, Г.С.Соболева. Великий Новгород: Тригон, 2006. Т. 1-2.
7. История русской литературы X—XVII вв. / Под ред. Д.С.Лихачева. М.: Просвещение. 1980. 462 с.
8. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.

References

1. Kalina N.F., Timoshchuk I.G. Osnovy yungianskogo analiza snovideniy [Basics of Jungian dream analysis]. Moscow, Refl-buk Publ.; Kiev, Vakler Publ., 1997, p. 12.
2. Hoeller K. (ed.) Dream and Existence. Michel Foucault and Ludwig Binszwanger. New Jersey, Humanities Press Publ., 1993. 107 p.
3. Eliade M. Myths, Dreams and Mysteries: The Encounter Between Contemporary Faiths and Archaic Realities. Harper & Row, 1975. 255 p. (Rus. ed.: Mify, snovideniya, misterii. Moscow, Refl-buk Publ.; Kiev, Vakler Publ., 1996. P. 14.).
4. Malenko S.A. Ot kul'ta predkov k kul'tu moshchey: mental'naya dramaturgiya inocheskoy Samosti [From the cult of ancestors to the cult of relics: the mental drama of the monastic Self]. Vestnik of NovSU, Gumanitarnyye nauki ser., 2015, no. 7(90), pp. 95-98.
5. Nekita A.G. Politiko-ideologicheskiye sublimatsii Samosti v pravoslavnom kul'te svyatykh moshchey [Political and ideological sublimations of the Self in the Orthodox cult of Holy relics]. Vestnik of NovSU, Gumanitarnyye nauki ser., 2015, no 7(90), pp. 100-104.
6. Nesmeyanov V.N., Sobolev G.S. (eds.). Svyatyye Novgorodskoy Zemli, ili istoriya Svyatoy Severnoy Rusi v likakh X—XVIII veka in 2 vols. [Saints of the Novgorod Land, or the history of Holy Northern Russia in the faces of the X—XVIII century in two volumes]. Velikiy Novgorod, Trigon Publ., 2006, vols 1-2.
7. Likhachev D.S. (ed.) Istoriya russkoy literatury X—XVII vv. [History of Russian literature of the X—XVII centuries]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1980. 462 p.
8. Averintsev S.S. Poetika rannevizantiyskoy literatury [Poetics of early Byzantine literature]. Moscow, Coda, 1997. 343 p.

Nekita A.G. The archetypal status of 'miraculous visions' in a unique visionary tradition of Novgorod monasticism. The article deals with the phenomenon of "miraculous visions" as an integral part of cultural tradition monasteries in Novgorod. The psychic experience of dreams interpreted as numinous foundation of personality monk, religious rituals and the formation of the orthodox doctrine in general. The abundance of unconscious symbols in the miraculous visions of the monks of the Novgorod land indicates a high degree of sensitivity to the General state of society and the level of personal involvement in the native socio-cultural context. Created by monks, visionary practice for the first time establishes an archetypal measure of individual and collective as the core of the cathedral Old Russian mentality.

Keywords: monastery, dream, mentality, visionary, numinosity, mythology, archetype, symbol, the Self.

Сведения об авторе. Андрей Григорьевич Некита — доктор философских наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кафедра философии, культурологии и социологии, ORCID: 0000-0002-9254-2901; beresten@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.